

Научная статья

УДК 398,2

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-100-109

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ АНИМАЛИСТИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЖИВОТНОМ ЭПОСЕ

Лейла Созакбайовна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения) Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© Л.С. Гергокова, 2021

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть один из основных вопросов, представляющий в настоящее время большой исследовательский интерес, для изучения анималистических сказочных текстов животного эпоса карачаевцев и балкарцев: проведение классификации действующих персонажей. В сказках о животных зооморфные персонажи выступают как эталонные носители тех или иных особенностей характера человека, в более общем плане они отражают опыт определенного этноса, являющегося носителем данной культуры и языка. Опираясь на труды предшественников, по аналогии в работе выделено шесть групп анализируемых сказок. Настоящий подход, позволил сделать ряд значимых наблюдений, тем самым определив, что исследуемые произведения делятся на виды: антропоцентрические (сюжет обычно сосредоточен на человеке) и зооцентрические (герои исключительно животные). Делается акцент на метод надления предметов и явлений природы свойствами живых существ – персонификации. Материалом для исследования послужил сборник сказок о животных «Народные сказки балкарцев и карачаевцев», на основе которого и представляется возможным классифицировать действующие персонажи по нескольким признакам: по частоте их появления в текстах, пространственному принципу, по сюжетному ходу и т.д. В особый раздел выделены сюжеты, в которых животные взаимодействуют с человеком.

Ключевые слова: животный эпос, сказки, классификация персонажей, анималистические произведения

Для цитирования: Гергокова Л.С. Принципы классификации анималистических персонажей в карачаево-балкарском животном эпосе // Вестник КБИГИ. 2021. № 3 (50). С. 100–109. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-100-109

Original article

CLASSIFICATION PRINCIPLES OF ANIMALIST CHARACTERS IN THE KARACHAI-BALKAR ANIMAL EPOS

Gergokova Leila Sozakbayovna

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© L.S. Gergokova, 2021

Annotation: The article attempts to consider one of the main issues of great research interest for the study of animalistic fairy-tale texts of the animal epic of the Karachais and Balkars: classification of acting characters. In fairy tales about animals, zoomorphic

characters act as reference carriers of certain features of a person's character; more generally, they reflect the experience of a certain ethnic group that is a carrier of a given culture and language. Based on the works of predecessors, by analogy, six groups of analyzed fairy tales were identified in the work. This approach made it possible to make a number of significant observations, thereby determining that the studied works are divided into types: anthropocentric (the plot is usually focused on a person) and zoocentric (heroes are exclusively animals). Emphasis is placed on the method of endowing objects and natural phenomena with the properties of living beings – personification. The collection of fairy tales about animals “Folk tales of the Balkars and Karachais” served as the material for the study, on the basis of which it seems possible to classify the characters according to several criteria: by the frequency of their appearance in the texts, the spatial principle, by the plot, etc. The plots in which animals interact with humans are highlighted in a special section.

Keywords: animal epic, fairy tales, classification of characters, animalistic works

For citation: Gergokova L.S. Classification principles of animalistic characters in the karachai-balkar animal epos. *Vestnik KBIGI* = KBIHR Bulletin. 2021; 3 (50): 100–109. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-3-50-100-109

Как известно, краткие устные рассказы о вымышленных событиях с участием типизированных персонажей с аллегорическим характером называются сказками. В них сосредоточена национальное своеобразие в описании быта и культуры народа носителя, ее национальная база. Благодаря богатству языка народных произведений обогащается и мышление народа.

Сказки – фольклорные произведения с установкой, как на вымысел, так и на счастливый конец. В подобных текстах сказители заведомо дают повод для сомнения в подлинности описываемых событий. В произведениях данного жанра у разных народов обнаруживаются сходные сюжеты, а также языковые и лингвокультурные особенности. Фольклор карачаевцев и балкарцев включает разнообразный пласт сказок. Значительный объем исследуемого фольклорного жанра до настоящего времени все еще остается недостаточно изученным, хотя в их освоении применяются разные научные подходы как: психологический, педагогический, исторический, а также с помощью применения искусственного интеллекта. В этой связи нами предпринята попытка проанализировать один из видов данного фольклорного жанра, а именно сказки о животных – это «первые» фольклорные произведения с участием зверей, птиц и растений, с которыми знакомится человек в раннем детстве. На них и будет сосредоточено наше внимание. «Чем ближе к истокам словесности, тем чаще ее полноправными героями оказываются животные. То они появляются рядом с людьми, наравне с ними, а порою и, превосходя их, то вступают между собой в отношения, диктуемые правилами не природного, а человеческого общежития. Повествования о животных то смешат, то заставляют задумываться над нормами человеческого поведения. Словом, сфера действия животных в старинной словесности широка и разнообразна. [Костюхин 1987: 7]. «Сказки о животных строятся на простых поступках действующих героев, лежащих в основе этих рассказов. Конец сказочных текстов в основном предсказуем, что показывает древность этих произведений» [Гергокова 2016: 124].

В данной статье осуществляется попытка сделать описание системы персонажей в том виде, в каком они представлены в самой карачаево-балкарской анималистической сказке. Материалом для анализа послужили тексты, извлеченные из сборника сказок «Народные сказки балкарцев и карачаевцев» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]. С целью выявить базовые лингвокультурные и этнические ментальные стереотипы носителей карачаево-балкарского языка методом сплошной выборки нами были выделены 54 текста карачаево-балкарских народных сказок: «Собака и вол», «Ненадёжный друг», «Козлёнок», «Баран и коза», «Лиса и перепёлка», «Лиса, медведь и волк», «Верблюд и лиса», «Как лиса перехитрила волка», «Белый ягнёнок», «Мышонок и колокольчик», «Лиса и мельник»,

«У лжеца короткий хвост», «Мудрый старик», «Воробей и скупой хан», «Тоймаз и Домай», «Зынгырдаук», «Кичибатыр – младший богатырь», «Темир-Болат», «Женщина с серыми глазами», «Илеука», «Старик и чёрный орёл», «Младший брат», «Алакёз», «Золотая птица», «Невеста-лягушка», «Пасынок», «Быжма-папах», «Аладин», «Карабатыр, «Приключения охотника», «Джигит и его друзья», «Младший брат Абоковых», «Аллахберди и Чийтёппе», «Бедняк и ханская дочь», «Фатима, Каракуш», «Лошадник Чора», «Темрюк и Назльхан», «Хвастун и великаны», «Умар сын Умара», «Девлер, или Кто сильнее?», «Умный мальчик и великан», «Кокайчик», «Находчивый мальчик», «Три брата и великан-эмеген», «Хитрый гость», «Бедняк и судья», «Как бедняк делил курицу», «Смышлёный мальчик», «Мороз», «Сокур-Али», «Огонь и Вода», «Счастье», «Ум и Богатство», «Намыс». Из перечисленных к анималистическим относятся 13 текстов, которые и стали предметом исследования.

Сказки о животных богаты количеством сюжетов этиологического содержания, где действующими персонажами являются животные и птицы, описывается сфера их обитания, а также особенности их внешнего вида. Объясняются также причины явлений природы, что сближает этиологические сказки с мифами. Между тем сказки названной группы не лишены иносказательности, прозрачно указывающей на отношения между людьми в обществе.

Прежде чем обратиться к персонажам карачаево-балкарских сказок о животных, попытаемся разграничить похожие категории: действующие лица и персонажи других сказочных жанров.

Е.С. Новик, в статье «Система персонажей русской волшебной сказки», опираясь на труды известных ученых, обращает внимание на систему подхода к изучению «*dramatis personae*». Исследуя работы В. Я. Проппа "Морфология сказки" [Пропп 1928] и "Исторические корни волшебной сказки" [Пропп 2000] отмечает, что впервые в них прозвучала и идея рассматривать персонаж как пучок функций. Однако автор статьи утверждает, что «диахроническая интерпретация единого сказочного сюжета, произведенная в «Исторических корнях волшебной сказки», привела к некоторой перестановке акцентов: главное внимание исследователя оказалось направленным на анализ того, как наследие мифа переосмысливается сказкой, как исконно мифологические персонажи трансформируются в персонажи сказочные» [Новик 2001: 122].

В волшебной сказке поступки совершаются не только людьми, но и животными и даже предметами. Каждый волшебный персонаж здесь одарен несколькими признаками: с одной стороны – это система поступков героя, а с другой система его состояния. В бытовых сказках же персонажами выступают мудрецы, влюбленные, верные или неверные, строптивые жены, разбойники и т.д.

Сказка о животных на уровне действующих лиц оказывается проще, чем волшебная или бытовая. Здесь в основном речь идет о двух действующих зооморфных героях (лицах) – трикстерах и их жертвах. Главные герои трикстерских циклов представлены обычными животными, казалось бы, маленькими и слабыми. Вопреки всему, они хитростью и смекалкой одерживают победу над хищниками гораздо более сильными. В животный эпос трикстерское начало попадает из мифов, хорошо в нем приживается и становится одним из главных атрибутов. В большинстве текстов рассказывается о проделках героев, о соперничестве между ними, где глупый остается обманутым.

Костюхин выделяет среди сказок о животных кроме комических сказок и своеобразные «волшебные» животные сказки, и «новеллистические» животные сказки, и «озорные» сказки, и анекдоты. Так обнаруживается, что в фольклорный животный эпос входят сказки, аналогичные бытовому, волшебному, анекдотам. Есть здесь и свои небылицы, свой «черный юмор» [Костюхин 1987: 79]. Стоит отметить, что в сказках различные животные персонажи ведут себя по-разному.

Каждый из них, пытаясь достичь своих целей, овладевает собственным набором действий. Исходя из своего состояния: голода или холода, жадности или скупости, а не от статуса, который они занимают, звери совершают те или иные поступки.

Рассмотрим возможные способы классификации анималистических сказочных персонажей. Для этого животных следует разделить на классы: домашних животных, диких, а также птиц. В.Я. Пропп в своей работе «Русская сказка» [Пропп 2011] выделяет шесть групп анималистических сказок:

- 1) сказки о диких животных;
- 2) сказки о диких и домашних животных;
- 3) сказки о человеке и диких животных;
- 4) сказки о домашних животных;
- 5) сказки о птицах, рыбах и др.;
- 6) сказки о прочих животных, растениях и др. [Пропп 2011: 272].

Указанную классификацию можно применить и к фольклорным произведениям данного жанра исследуемого этноса. Также следует выделить, что карачаево-балкарский животный эпос делится на сказки, где звери являются субъектом или основным объектом повествования. То есть бывают антропоцентрические и зооцентрические сказки о животных. В первом случае наряду с героями-животными присутствует человек («Лиса и мельник», «Мудрый старик», «Воробей и скупой хан» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003], сюжет обычно сосредоточен на нем, животные играют вспомогательную роль. В зооцентрических герои исключительно животные, либо же, если человек присутствует, он не является главным персонажем («Собака и вол», «Ненадёжный друг», «Козлёнок», «Баран и коза», «Лиса и перепёлка», «Лиса, медведь и волк», «Верблюд и лиса», «Как лиса перехитрила волка», «Белый ягнёнок», «Мышонок и колокольчик» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]. В данном исследовании особое внимание уделим зооцентрическим сказкам и подвергнем анализу их ключевые образы.

Необходимо отметить, что для выявления специфики сказок, построенных на фантастическом вымысле частым приемом становится персонификация (олицетворение), которая «заключается в наделении предметов и явлений природы свойствами живых существ, нередко даже человеческими: способностью мыслить, чувствовать, говорить, антропоморфным обликами и т. д.» [Иванова 2010: 159]. Это определено экстралингвистическими факторами. Сказки воспринимают формы вымысла из первобытнообщинных представлений и понятий, так как тотемизм играл роль своеобразной формы религиозного осознания, т.е. связи человека с природой и подчиненности ей.

В психологии под персонификацией (олицетворением) понимается «наделение животных и растений, отвлеченных понятий, неодушевленных предметов и явлений природы человеческими свойствами, представление их в лицах» [КПС 1835: 241].

Так, в карачаево-балкарском фольклоре отображаются определенные стереотипы, в соответствии с которыми персонажи сказок о животных являются носителями типических черт. Следовательно, благодаря персонификации появляется возможность превращать животных в «людей». Сказочный мир наполняется существами, чувствующими и говорящими, думающими и поступающими как человек. «Изучая данный фольклор, мы понимаем, что эта сказочная жизнь животных отличается от действительной жизни повадками зверей. Здесь настолько убедительно обрисовываются персонажи, что только по ним можно определять характеры животных и любую подмену в сказочных сюжетах можно легко обнаружить. Здесь каждый образ приобретает субъективную разработку» [Гергокова 2016: 53].

Анализируя персонажи карачаево-балкарского животного эпоса, определим частотность их появления в приведенных выше анималистических сказках из

сборника «Народные сказки балкарцев и карачаевцев» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003], сопровождая их характеристиками, приписываемыми тому или иному животному и отражающими антропоморфные свойства:

Представим их в следующей таблице:

Персонаж – количество извлеченных сказок – частота участия в текстах – характеристики.

Лиса – 13 – 7 – хитрая, коварная, хищная, прожорливая;
волк – 13 – 4 – прожорливый, глупый, жадный, трусоватый;
баран – 13 – 3 – глупый, пугливый;
медведь – 13 – 2 – сильный, глупый, доверчивый;
верблюд – 13 – 1 – осторожный;
змея – 13 – 1 – коварная, подлая;
козел – 13 – 1 – умный, пугливый;
ёжик – 13 – 1 – трудолюбивый, умный, хитрый;
собака – 13 – 1 – верная;
вол – 13 – 1 – сильный, уверенный в себе;
перепелка – 13 – 1 – сообразительная;
козленок – 13 – 1 – отважный;
ягненок – 13 – 1 – сообразительный;
мышонок – 13 – 1 – наглый, неуступчивый, хитрый;
воробей – 13 – 1 – мудрый, пугливый, задиристый.

Первое место по частоте встречаемости в данных фольклорных текстах о животных занимает лиса. В исследуемом сборнике, она является главным персонажем в 7 текстах из 13. Следующие, часто упоминаемые животные – волк, баран, медведь, остальные встречаются только в единичных текстах.

Подсчеты сделаны на основе сборника «Народные сказки балкарцев и карачаевцев» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003], соответственно, приведенные здесь цифры воспроизводят использованный в ней сказочный материал (а не все множество карачаево-балкарских сказок о животных). Исходя из этого положения, все-таки можно констатировать, что в исследуемых текстах домашние и дикие звери могут встречаться вместе. «Многие из перечисленных анималистических образов являются синкретичными, ассоциируясь с несколькими характерологическими признаками. В то же время, образы разных животных соотносятся с одним и тем же эталоном, например, жадностью или глупостью, однако степень проявления эталонности у этих образов различна» [Широглазова 2015: 136].

Установив схему наблюдений к анималистическим сказкам, некоторые ученые выделили их неизменяемые элементы. Они определили, что главным фактом структурного анализа является мысль о том, что константными в сказках являются не герои, а исполняемые ими функции. Так, А.Н. Никифоров делил все персонажи на две категории: герой и вторичные персонажи. Также исследователь отметил, что у каждого персонажа наблюдаются лимитированные функции, в частности у героя и второстепенных персонажей [Никифоров 1938: 214]. Животных, встречающихся в текстах чаще, можно объединить в группу центральных персонажей. Во вторую группу, второстепенные, можно отнести всех остальных героев. Настоящий подход, позволил сделать ряд значимых наблюдений, которые дали возможность представить систему персонажей карачаево-балкарских сказок о животных.

Для классификации действующих лиц в карачаево-балкарской анималистической сказке можно употребить также пространственный принцип. Это пространство, которое является местом обитания разных животных и птиц. В данных анималистических текстах местом действий может быть лес, горы, яма, дорога, деревья, или же дом. Что касается пространственного измерения – дома, то здесь казалось бы, должны были обитать домашние животные – коза, баран, лошадь, но в сказочном пространстве все границы размыты. Например, лошадь, коза, козле-

нок или баран, будучи домашними животными, живут в лесу или уходят туда жить («Козлёнок», «Баран и коза») [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]. Лиса проникает в мельницу и начинает там жить («Лиса и мельник» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]).

В карачаево-балкарском животном эпосе распространенный сюжетный ход – испытания, результатом которых является счастливый конец. В данных фольклорных произведениях положительный герой преодолевает трудности и всегда достигает цели. Сюжет сказки характеризуется чередой эпизодов, объединенных по правилам драматического действия. События здесь сосредоточены вокруг одного персонажа. Например, в тексте «Мышонок и колокольчик» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003], главный герой, чтобы достичь желаемой цели, ходит от одного персонажа к другому и ищет путь к счастью. Для каждого героя это чувство индивидуально. Здесь эпизоды повторяются, события сосредоточены вокруг главного персонажа. Путем эмпирического анализа выявлено, что в таких сказках картины природы и быта сведены к минимуму, но и обрисовка персонажей не занимает много текстового пространства.

Исходя из подобных анализов, некоторые ученые считают, что постоянными в сказках являются лишь функции, выполняемые героями, а не сами герои, с чем не соглашается исследователь Е.С. Новик, утверждая, что один и тот же герой в разных сказках выполняет разные функции – положительные или отрицательные [Новик 2001: 123].

Например, в карачаево-балкарской сказке «Мудрый старик» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003] Змея-вредительница хочет съесть дровосека, несмотря на то, что тот освободил ее из заточения. Противоположным по функциям является главная героиня сказки «Рыжая змея» [Свод карачаево-балкарского фольклора 2017: 708] змея-дарительница или помощница. Она своими советами помогает путнику вылечить хана и получить богатства. В этих фольклорных произведениях один и тот же персонаж – «змея» выполняет разные, бинарные по значению функции.

Как уже выявили, в анималистических сказках изучаемого этноса одной из традиционных и часто встречающихся персонажей с исследовательской точки зрения является лиса. Она – хитроумна и коварна. Анализируя ее характер, можно отметить модель поведения как триктерскую. Трикстерами в данных фольклорных произведениях могут быть как центральные, так и второстепенные персонажи.

Из-за своих уловок лисе удается доминировать над другими животными и даже людьми:

«– Ох, лучше не спрашивай, зайчик! Тяжело рассказывать.

Был я дружен с лисой, но она всегда обманывала меня и вот сделала так, что я ослеп» (сказал медведь) [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 26].

У нее хватает нахальства, чтобы второй-третий-четвертый раз обманывать одного и того же животного. Также ее устойчивым свойством является то, что она все время хвастается и задирает свой нос:

«Лиса, чтобы не делить с ними остатки масла, повторила свою хитрость. Она опять выбежала из пещеры, поговорила сама с собой и, как будто недовольная, вернулась и говорит:

– Ох, как надоел мне этот хан! Опять пришли слуги и просят, чтобы я теперь дала имя его новорожденному внуку.

– Иди и принеси нам что-нибудь поесть, — сказали ей волк и медведь.

Лиса ушла. Волк и медведь стали терпеливо ждать её.

Лиса тем временем добежала до дерева, на котором висел бурдюк, и доела масло. Бурдюк она надула воздухом, завязала его хорошенько и прибежала обратно» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 23].

Хищница своими вероломными и коварными проделками и двусмысленными советами, ставит других (чаще всего медведя и волка) в положения, приводящие

их к гибели. Например: в сказке «Ненадёжный друг» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003], где действующие лица лиса, волк и конь, которые дружили и жили вместе. Когда же выпал снег и совсем не стало еды, лиса и волк решили съесть коня. Лиса придумала такую уловку, по которой, едой для всех должен был стать самый младший из трех. Вследствие ее вероломного плана волк погиб от удара коня копытом:

«Конь поднял своё левое копыто.

Лиса отказалась смотреть:

– Я плохо вижу, всё равно не разгляжу.

А волк подошёл совсем близко и начал разглядывать копыто. Тут конь ударил серого. Упал волк – и дух из него вон. А лиса вильнула хвостом и выскочила из пещеры» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 12].

Подобный сюжет прослеживается в сказке «Лиса, медведь и волк» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003] где жертвой лисы становится сначала волк, а потом медведь, который, поверив ей, съел оба своих глаза и упал в пропасть.

В сказках встречаются сюжеты, где хитрость и коварство лисы оборачиваются против нее самой. В тексте «Лиса и перепелка» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 12] рассказывается о том времени, когда хищница и птица дружили между собой, но как-то перепелка, подшутила над подругой и чуть не погубила лису, отправив ее к собакам. После перепелка вроде бы становится жертвой хитрости лисы, когда хищница схватила ее, но она обманом заставила ее разжать зубы. Как только та это сделала, перепелка упорхнула.

Сказка заканчивается так: «С тех пор кончилась дружба лисы с перепёлкой. И если рыжая увидит перепёлку, то старается непременно схватить её» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 21].

Таким образом, лиса в анималистических сказках карачаевцев и балкарцев оказывается, с одной стороны, хитрым и опасным персонажем (в чем и заключается ее коварство), с другой, она сама может быть жертвой других персонажей, которые способны ее одолеть, используя те же стратегии поведения: хитрость, обман, притворство и т.д. С этой точки зрения все герои животного эпоса равны, так как действуют по одной и той же схеме.

В некоторых сказках лиса все-таки, показывает себя с положительной стороны. Например: «Лиса и мельник» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003], где она помогает бедному мельнику жениться на дочери хана и жить в довольстве.

В карачаево-балкарском животном эпосе могут встречаться два персонажа с одинаковым наименованием в пределах одной сказки, что может опровергнуть его уникальность. Обратимся к сказке «У лжеца короткий хвост» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 39], здесь встречаются несколько лис. Но только одна из них является главной героиней.

Следующий центральный персонаж изучаемых сказок – волк, который тоже может предстать в тексте со стаей волков, то есть этого зверя в одной сказке также может быть несколько. В отличие от лис, которые делятся на главных и второстепенных персонажей, волк не имеет какого-либо специального наименования, отличающего его от первого, и может фигурировать как стая волков. Например, в сказке: «Коза и баран» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003].

Волк у карачаевцев и балкарцев считался тотемным животным. «В фольклоре тюркских народов, в том числе тюркоязычных народов Северного Кавказа, мир людей и мир волков существуют параллельно и в то же время взаимосвязанно. Порой они пересекаются, создавая прецеденты кровного или молочного родства людей и волков» [Текеева 2012: 38]. В сказках о животных он, потеряв тотемность, представляется как глупый, доверчивый, кровожадный, но в то же время обманутый персонаж. Ведь при взаимодействии его с лисой, последняя оказыва-

ется победительницей. Встречаются сказки, где волка обманывают более слабые животные (коза, баран, верблюд, конь и т.д.).

В частности, хищник предстает носителем следующих качеств:

– глупость: «Я вот нащипал травы, не всё успел проглотить – она у меня во рту, – даже и её я хочу вернуть хозяйке. Я сейчас открою рот, а ты, волк, достань эту траву.

Верблюд широко раскрыл рот.

Только сунул глупый волк свою голову в рот верблуду, тот схватил его накрепко зубами.» («Верблюд и лиса» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 27]).

– трусость: «– А что это у тебя шевелится сзади? — спросил удивлённо серый волк.

– Пёс, мой телохранитель, он хочет съесть тебя, а мой хвостик не соглашается и отговаривает его, — сказал хитрый козлёнок.

– А что это у тебя на ногах? — указал волк на копыта.

– А это мои самобьющие дубинки, они защищают меня от врагов.

– А эти длинные, что у тебя на голове, для чего они? — показал волк на рога.

– Это мои саморезущие сабли, — ответил козлёнок.

– Ими я распарываю животы волкам, которые задерживают меня в пути.

Услышав такие слова, волк испугался и бросился бежать» («Козленок») [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 15].

– ненасытность, прожорливость: «Прибегает сюда же голодный волк и тоже принимается рвать медведя. Стала лисица насмехаться над волком:

– Рви, рви медвежью кожу, и когда ты ещё доберёшься до мяса. А я вот лучшие кусочки ем!

Оскалился волк и зарычал:

– Довольно тебе есть, дай-ка и мне попробовать.

Уступила лисица волку своё место, отошла в сторону и стала ждать, когда волк начнет лакомиться медвежьим салом» («Как лиса перехитрила волка») [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 26].

Среди почитаемых в далеком прошлом зверей у карачаевцев и балкарцев особое место принадлежит медведю. Однако в сказочных сюжетах медведь глуповат и туповат, в основном может быть жертвой обмана. Так, в сюжете сказки «Лиса, медведь и волк»: «Медведь снова поверил лисе. Он пришёл домой, выцарапал себе оба глаза и ослеп». [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003: 25]:

Однако нередко и медведь, и волк благополучно используют трикстерскую модель поведения при взаимодействии с другими более слабыми персонажами.

Следующая группа – второстепенные персонажи. Она включает в себя большое количество разных животных (в исследуемых текстах): вол, собака, конь, козел, баран, перепелка, мышь и др. Эти герои не претендуют на главные роли, но в них тоже присутствует некая индивидуальность, наполняющая произведение каким-либо настроением. В большинстве случаев эти персонажи взаимодействуют между собой. Во взаимодействии же с главным героем (центральными персонажами) они, создают препятствия на его пути. В сказках второстепенные персонажи не всегда остаются побежденными («Козленок», «Баран и коза», «Верблюд и лиса» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]), как предполагается изначально. Интересно отметить то, что в сюжетах, где лиса взаимодействует с птицами, крылатые ее всегда одолевают ее («Лиса и перепелка» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]).

Конь, перепелка, ёжик в карачаево-балкарских сказках не только не поддаются попыткам лисы перехитрить их, но и сами, в итоге, обманывают хищницу так, что ей приходится уйти ни с чем. Встречаются в карачаево-балкарских сказках и зооморфные персонажи, которые разочаровались в людях, и считают их неблагодарными (конь, собака и др.)

В особый раздел можно выделить сюжеты, в которых животные взаимодействуют с человеком. Главными персонажами в анималистической сказке являются, бесспорно, животные. Тем не менее, в некоторых фольклорных произведениях данного жанра человеческие персонажи не только упомянуты в тексте, но также взаимодействуют с животными («Лиса и мельник», «Мудрый старик», «Воробей и скупой хан» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]). «Появление в сказке персонажа-человека, особенно в доминирующей роли, снижает метафорическую образность анималистических стереотипов. Акцент переносится на особенности взаимоотношений между миром природы и миром людей, которые могут иметь как партнерский, так и антагонистический характер, причем этот характер по ходу повествования может меняться [Широглазова 2015: 134]. Основными животными, с которыми взаимодействует мельник, старик или хан в сказке, являются лиса, медведь, волк или птица. Человек может быть и союзником персонажа-животного. Они могут объединиться и обмануть какого-нибудь другого героя сказки («Лиса и мельник», «Мудрый старик» [Народные сказки балкарцев и карачаевцев 2003]).

Проведенный анализ показал, что рассмотренные персонажи в анималистических сказках позволяют выявить целый ряд стереотипных зооморфных образов, разыгрывающих разные роли. Предложенный в работе принцип классификации персонажей по степени их частотности участия в текстах показывает, какие модели поведения оказываются наиболее важными. Также, сопоставив самих героев с распространенными мнениями о них, можно обратить внимание на то, что в сказочных произведениях слабые персонажи могут предстать как победители, а лиса, совершая обман, чтобы напасть на своих жертв, сама занимает их место. Народ, заложив не увядающую художественную силу в сказки, выразил свою непреклонную, неистребимую волю к жизни, выносливость, бесстрашие и ясный разум.

Список источников

1. Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. М.: издательство «Наука», 1987. 271 с.
2. Гергокова Л.С. Типы сюжетов, построение мотива обмана в карачаево-балкарских сказках о животных // Вестник КБИГИ (КВІНН Bulletin). 2016. 4 (31) С. 122–125.
3. «Народные сказки балкарцев и карачаевцев» М.: «Редакция альманаха „Российский Архив“», 2003. 256 с.
4. Протт В. Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с
5. Протт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Издательство «Лабиринт», 2000. 336 с.
6. Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М., 2001. С. 122; 126.
7. Протт В.Я. Русская сказка. М.: Издательство «Лабиринт», 2011. 384 с.
8. Иванова Е. В. Персонификация природы в медийном дискурсе // Политическая лингвистика. Челябинский государственный университет, 2010. № 1. С. 159–162.
9. Краткий психологический словарь Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Издательство «Политиздат», 1985. 431 с.
10. Гергокова Л.С. Карачаево-балкарские сказки о животных: система образов, сюжетная типология // Типология и поэтика традиционного фольклора народов Северного Кавказа. Нальчик, 2016. С. 51–57.
11. Широглазова Н.С. Анималистические образы в удмуртских народных сказках о животных // Вопросы филологии и переводоведения. ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2015. С. 131–137. С. 134.
12. Никифоров А.И. Жанры русской сказки // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. М.Н. Покровского. 1938. Вып. 1. Т. 2. 244 с.
13. Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 3. Карачаево-балкарская сказка. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с.

14. Текеева Л.К. Культ волка в традиционных представлениях тюркоязычных народов Северного Кавказа // Вестник пермского университета. 2012. № 3 (20). С. 37–42. С. 38.

References

1. KOSTYUHIN E.A. *Tipy i formy zhivotnogo eposa*. M.: izdatel'stvo «Nauka», 1987. 271 p.
2. GERGOKOVA L.S. *Tipy syuzhetov, postroenie motiva obmana v karachaevo balkarskikh skazkakh o zhivotnyh* [Types of plots, construction of a motive for deception in the Karachay-Balkarian animal tales] IN: Vestnik KBIGI (KBIHR Bulletin). 2016. № 4 (31). P. 122–125.
3. «*Narodnye skazki balkarcev i karachaevev*». M.: «Redakciya al'manaha „Rossijskij Arhiv“», 2003. 256 p.
4. PROPP V.YA. *Morfologiya skazki*. L.: Academia, 1928. 152 p
5. PROPP V.YA. *Istoricheskie korni volshebnoj skazki*. M.: Izdatel'stvo «Labirint», 2000. 336 p.
6. NOVIK E.S. *Sistema personazhej russkoj volshebnoj skazki* [Russian fairy tale character system]. IN: *Struktura volshebnoj skazki*. M., 2001. P. 122; 126.
7. PROPP V.YA. *Russkaya skazka*. M.: Izdatel'stvo «Labirint», 2011. 384 p.
8. IVANOVA E.V. *Personifikaciya prirody v medijnom diskurse* [Personification of nature in media discourse]. IN: *Politicheskaya lingvistika*. Chelyabinskij gosudarstvennyj universitet, 2010. № 1. P. 159–162.
9. *Kratkij psihologicheskij slovar' Pod obshch. red. A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo*. M.: Izdatel'stvo «Politizdat», 1985. 431 p.
10. GERGOKOVA L.S. *Karachaevo-balkarskie skazki o zhivotnyh: sistema obrazov, syuzhetnaya tipologiya* [Karachay-Balkarian animal tales: system of images, plot typology]. IN: *Tipologiya i poetika tradicionnogo fol'klora narodov Severnogo Kavkaza*. Nal'chik, 2016. P. 51–57.
11. SHIROGLAZOVA N.S. *Animalisticheskie obrazy v udmurtskikh narodnyh skazkakh o zhivotnyh* [Animalistic images in Udmurt folk tales about animals]. IN: *Voprosy filologii i perevodovedeniya*. ChGPU im. I.Ya. Yakovleva, 2015. S. 131–137. P. 134.
12. NIKIFOROV A.I. *Zhanry russkoj skazki // Uch. zap. Leningr. gos. ped. in-ta im. M.N. Pokrovskogo*. 1938. Vyp. 1. T. 2. P. 244.
13. *Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora*. Tom 3. Karachaevo-balkarskaya skazka. Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. 990 p.
14. TEKEEVA L.K. *Kul't volka v tradicionnyh predstavleniyah tyurkoyazychnyh narodov Severnogo Kavkaza* [The cult of the wolf in the traditional views of the Turkic-speaking peoples of the North Caucasus]. IN: *Vestnik permskogo universiteta*. 2012. № 3 (20). S. 37–42. P. 38.

Информация об авторе

Л. С. Гергокова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора

Information about the author

L.S. Gergokova – Candidate of Science Philology, Senior researcher of the sector karachay-balkarian folklore sector

Статья поступила в редакцию 30.09.2021; одобрена после рецензирования 10.10.2021; принята к публикации 18.10.2021.

The article was submitted 30.09.2021; approved after reviewing 10.10.2021; accepted for publication 18.10.2021.